
МЕЖДУНАРОДНАЯ ПАНОРАМА

Правоположения Европейского суда по правам человека и их значимость для арбитражных судов Российской Федерации

О Европейском суде по правам человека (далее – Европейский суд, Суд) в российской юридической литературе пишут достаточно много и этой теме посвящаются аналитические статьи, тематические обзоры, короткие информационные заметки и проч. Однако чрезвычайно опрочетчиво было бы утверждать, что значимость практики Европейского суда надлежащим образом оценена, а его правовоположения стабильно учитываются в правоприменительной практике.

Отношение судей арбитражных судов к правовоположениям Европейского суда можно назвать достаточно сдержанным и осторожным. Представляется, что такое отношение необходимо изменить. Сказанное в целом и послужило отправной точкой для написания настоящей работы, в которой предпринимается попытка четко и однозначно ответить на вопрос о значении прецедентной практики Европейского суда для арбитражных судов Российской Федерации.

1. В целях настоящей работы необходимо проведение сравнительного анализа компетенции и деятельности Европейского суда и Конституционного Суда РФ¹. Безусловно, это различные во всех отношениях органы, однако при сопоставлении их компетенции и результатов деятельности наиболее наглядно проступают те ключевые моменты, которые определяют место правовоположений Европейского суда в российском праве и правоприменительной практике.

Конституционный Суд РФ – государственный судебный орган конституционного контроля, он осуществляет в Российской Федерации судебную власть. КС РФ не разрешает частные споры, а рассматривает исключительно вопросы права: о соответствии законов и иных нормативных актов, договоров между органами государственной власти, а также не вступивших в силу международных договоров Российской Федерации Конституции РФ; о компетенции между органами государственной власти различных уровней. В компетенцию КС РФ входит толкование Конституции РФ (ст. 3 ФКЗ "О Конституционном Суде Российской Федерации").

Европейский суд, как указано в ст. 19 Конвенции о защите прав человека и основных свобод² (далее – Конвенция), создан для обеспечения соблюдения обязательств, принятых на

¹ Федеральный конституционный закон "О Конституционном Суде Российской Федерации" вступил в силу 23 июля 1994 года. Столь значимый факт имел большое значение для практики арбитражных судов, поэтому Высшим Арбитражным Судом РФ было подготовлено письмо от 25 августа 1994 года № СЗ-7/ОЗ-614 "О вступлении в силу Федерального конституционного закона "О Конституционном Суде Российской Федерации", где изложены (с некоторыми комментариями) основные положения этого Закона. И впоследствии ВАС РФ выпускал информационные письма, в которых обращал внимание на те или иные правовоположения Конституционного Суда РФ, имеющие значение для судебной практики (см., например, информационные письма от 14 июня 1995 года № С1-7/ОП-328, от 12 июля 1995 года № С1-7/ОП-393 и т. д.).

² Официальный перевод текста Конвенции о защите прав человека и основных свобод на русский язык опубликован в Собрании законодательства РФ, 2001, № 2, ст. 163. Достаточно часто в литературе данная Конвенция обозначается как "Европейская Конвенция о защите прав человека и основных свобод"; слово "Европейская" при-

себя государствами и участниками Конвенции. То есть он представляет собой независимую международную организацию, учрежденную государствами и участниками Конвенции для цели контроля за соблюдением этими государствами прав и свобод, гарантированных Конвенцией и Протоколами к ней³.

Осуществляя данные контрольные функции, Европейский суд не разрешает споры о праве между конкретными лицами, а *рассматривает переданные на его рассмотрение вопросы толкования и применения положений Конвенции и Протоколов к ней* (ст. 32 Конвенции). Такое рассмотрение может быть результатом обращения в Суд государства и участника Конвенции (межгосударственное дело) либо частного лица, подавшего индивидуальную жалобу (ст. 33, 34 Конвенции)⁴.

Рассмотрение вопросов толкования и применения положений Конвенции и Протоколов к ней осуществляется Европейским судом в судебной форме, то есть его деятельность ведется в соответствии со специально установленным порядком судопроизводства⁵. И именно судебная форма системы контроля за соблюдением государствами и участниками Конвенции принятых обязательств, как и возможность частных лиц обратиться в этот международный орган с жалобой на нарушение в конкретном государстве положений Конвенции, стали составляющими авторитета и столь возросшей в последнее время популярности Европейского суда.

Сказанное позволяет выявить специфику дел, рассматриваемых этим судом: *предметом разбирательства всегда является жалоба на нарушение государством и участником Конвенции прав, гарантированных Конвенцией и Протоколами к ней*.

При этом принципиально важно, что такие *жалобы*, направленные против государства и участника Конвенции, по сути, *обращены к его органам (государственным органам)*, которые в процессе своей деятельности не смогли исключить возможность нарушения прав и свобод конкретного лица или группы лиц. Иными словами, в Европейском суде рассматривается вопрос, действительно ли властными органами (органами законодательной, исполнительной или судебной власти) конкретного государства и участника Конвенции создана ситуация, при которой произошло нарушение прав, гарантированных Конвенцией и Протоколами к ней.

Данное нарушение может быть последствием следующего.

▼ Законодательной властью не были сформулированы четкие правила для типичных ситуаций, и образовавшаяся в результате правовая неопределенность создала опасность нарушения прав, провозглашенных Конвенцией и Протоколами к ней.

Наиболее ярким примером применительно к российской действительности здесь, пожалуй, будет противоречивость норм подведомственности дел с участием коммерческих организаций и граждан, которая не исключает возможность неоднократной передачи дел из суда общей юрисдикции в арбитражный суд.

Так, в деле "Бабурин против России"⁶ заявитель жаловался на чрезмерную длительность рассмотрения его дела, которая, как установил Европейский суд, вызвана противоречивостью норм российского права, регулирующих подведомственность дел с участием коммерческих организаций и физических лиц. В постановлении Суд подчеркнул, что результатом применения

звано подчеркнуть тот факт, что она распространяется на европейский регион, в отличие, скажем, от Всеобщей Декларации прав человека. Однако встречающееся в российской литературе (иногда в официальных документах) иное наименование данной Конвенции, например, Конвенция по защите прав человека, нельзя признать правильным.

³ В настоящее время действуют Протоколы №№ 1, 4, 6, 7, 13 и 14 к Конвенции. Необходимо отметить, что все они являются составными частями Конвенции, поэтому понятием "Конвенция" охватываются как собственно сама Конвенция, так и Протоколы к ней. Подтверждение данному утверждению содержится, например, в ст. 1 Регламента Европейского суда, п. (а) которой указывает, что понятие "Конвенция" включает Конвенцию о защите прав человека и основных свобод и Протоколы к ней.

⁴ В связи с этим достаточно странно выглядят утверждения некоторых авторов о том, что в Европейский суд передается спор о праве, причем в исковой форме. — См. об этом: Дробязкина И. В. Обращение в Европейский суд по правам человека как исковая форма защиты права / Иск в гражданском и арбитражном процессах. Труды ИГП РАН, 2006, № 1 / Отв. ред. Т. Е. Абова, Е. А. Виноградова. — М., 2006, с. 181–183.

⁵ Подробнее о порядке деятельности Европейского суда см.: Рожкова М. А., Афанасьев Д. В. Новые правила обращения в Европейский Суд по правам человека. Текст Регламента, новеллы, комментарии. — М.: Статут, 2004.

⁶ Постановление от 24 марта 2006 года по делу "Бабурин против России", жалоба № 55520/00 (CASE OF BABURIN v. RUSSIA). Аналогичная позиция изложена и в постановлении от 22 июня 2006 года по делу "Авакова против России", жалоба № 30395/04 (CASE OF AVAKOVA v. RUSSIA).

российскими судами этих правовых норм в данном случае стала повторяющаяся передача дела из судов общей юрисдикции в арбитражные суды и обратно, что и привело в конечном счете к нарушению права на справедливое судебное разбирательство в разумные сроки (п. 1 ст. 6 Конвенции).

▼ Сложившаяся административная практика противоречит Конвенции, и отсутствие мер ответственности органов исполнительной власти создало опасность нарушения прав, провозглашенных Конвенцией и Протоколами к ней.

Практика Европейского суда обнаруживает немало примеров, когда исполнительные органы государства нарушали права, гарантированные Конвенцией и Протоколами к ней. Для Российской Федерации наиболее актуальна проблема неисполнения вынесенных и вступивших в законную силу судебных актов. Стоит отметить, что адресовать эту проблему только судебному корпусу неверно, поскольку она выступает в большей степени следствием несовершенства действующего исполнительного законодательства и складывающейся практики исполнительных органов, нежели итогом деятельности судебных органов. Именно недостаточно активная деятельность законодателя по совершенствованию исполнительного законодательства и пороки административной практики по исполнению вынесенных судебных актов привели к тому, что сегодня подавляющее большинство жалоб, подаваемых в Суд, ⁸ это жалобы именно на неисполнение вступивших в силу законных решений.

Например, в деле "Фахрутдинов против России"⁷ заявитель указывал, что им было заявлено требование к местной администрации о понуждении обеспечить его (как мирового судью) муниципальным жильем. Суд общей юрисдикции обязал местную администрацию предоставить заявителю муниципальное жилье. Однако несмотря на вынесенное судебное решение, подтвержденное второй судебной инстанцией, администрация отказывалась предоставить заявителю жилье, ссылаясь на отсутствие такового. И только после обращения в Европейский суд с жалобой на нарушение его прав, гарантированных Конвенцией, судебное решение было исполнено местной администрацией.

▼ Судебные органы⁸ при разрешении спора отступали от основных принципов судопроизводства или нарушали правила порядка судопроизводства, чем создавали опасность нарушения прав, провозглашенных Конвенцией и Протоколами к ней.

Самые распространенные ⁹ это дела, в которых заявители жалуются на чрезмерную длительность судебного разбирательства.

Например, рассматривая дело "Зименко против России"⁹, Европейский суд установил, что заявитель оспаривал в суде общей юрисдикции свое увольнение, требуя выплаты заработной платы за период вынужденной безработицы. Рассмотрение дела продолжалось 6 лет 10 месяцев и 26 дней, в результате чего суд прекратил производство по делу на том основании, что компания-работодатель (ответчик) ликвидирована.

В другом случае несвоевременное уведомление о дате кассационного слушания лишило заявителя возможности присутствовать при ее рассмотрении (дела "Яковлев против России"¹⁰, "Грошев против России"¹¹).

2. Исходя из целей настоящей работы, представляется важным подробнее остановиться на тех нарушениях, которые, к сожалению, допускаются судебными органами в процессе осуществления судопроизводства. Здесь необходимо подчеркнуть следующее обстоятельство: тот факт, что в подавляющем большинстве постановлений Европейского суда речь идет о

⁷ Решение от 11 июля 2006 года относительно приемлемости жалобы "Фахрутдинов против России" № 34221/03 (CASE OF FAKHRUTDINOV v. RUSSIA).

⁸ Здесь употребляется термин "судебные органы", поскольку Европейский суд достаточно широко трактует понятие "суд", включая в него не только государственные суды, но и арбитражи (третейские суды), а также всевозможные квазисудебные органы, например квалификационные коллегии судей, корпоративные дисциплинарные органы, квалификационные коллегии адвокатских сообществ и т. д.

⁹ Постановление от 23 июня 2005 года по делу "Зименко против России", жалоба № 70190/01 (CASE OF ZIMENKO v. RUSSIA).

¹⁰ Постановление от 15 марта 2005 года по делу "Яковлев против России", жалоба № 72701/01 (CASE OF YAKOVLEV v. RUSSIA).

¹¹ Постановление от 20 октября 2005 года по делу "Грошев против России", жалоба № 69889/01 (CASE OF GROSHEV v. RUSSIA).

нарушениях, допущенных судами общей юрисдикции, не свидетельствует о том, что подобные нарушения вовсе не встречаются в практике арбитражных судов; этому есть иное объяснение.

Дело в том, что достаточно длительное время превалировало мнение о том, что коммерческие организации обращаться в Европейский суд не могут. В известной степени оно было основано на наименовании Конвенции, которое содержит указание на права и свободы *человека*; отчасти *ѳ* на неправильной трактовке положений ст. 34 Конвенции, предусматривающей возможность обращения в Европейский суд физических лиц, неправительственных организаций или группы частных лиц.

Это неверное представление привело к тому, что отечественные коммерсанты (индивидуальные предприниматели и коммерческие организации) практически не использовали такой способ защиты как обращение в Европейский суд. В результате вопросы нарушения их прав, также охраняемых Конвенцией и Протоколами к ней, не попадали в орбиту внимания Суда. Указанное заблуждение в отношении возможностей Суда рассматривать жалобы коммерческих организаций привело также и к тому, что его прецедентная практика должным образом не анализировалась для целей ее учета при разрешении именно коммерческих споров. И, следовательно, не оказывала того влияния, которое, по сути, должна была оказывать на отправление правосудия в арбитражных судах Российской Федерации.

Данное ошибочное убеждение, чрезвычайно распространенное и в отечественном судебском сообществе, и в среде коммерсантов, было первоначально "подорвано" постановлением Европейского суда, вынесенным по индивидуальной жалобе российского акционерного общества "Совтрансавто Холдинг против Украины"¹². Затем последовало еще несколько решений и постановлений, которые были вынесены по жалобам юридических лиц. Так, сравнительно недавно Европейский суд вынес постановление по индивидуальной жалобе "ООО "Русатоммет" против России", предметом которой было длительное неисполнение вступившего в силу решения арбитражного суда¹³.

Таким образом, неправильный вывод о том, что этот Суд принимает к рассмотрению только индивидуальные жалобы физических лиц, был очередной раз опровергнут в постановлении по конкретному делу.

Однако необходимо проанализировать конвенционные основы для такого вывода. Как упоминалось ранее, согласно ст. 34 Конвенции с индивидуальной жалобой против государства *ѳ* участника Конвенции может обратиться только физическое лицо, неправительственная организация или группа частных лиц. Не останавливаясь на трактовке термина "физическое лицо", необходимо отметить, что термином "неправительственные организации" в практике Европейского суда охватываются не только некоммерческие и общественные организации, но и организации, преследующие цели извлечения прибыли вне зависимости от того, являются ли они юридическими лицами (в том числе по вопросам, связанным с неполучением статуса юридического лица или его утратой). Существует немало решений, вынесенных по делам, инициированным неправительственными организациями *ѳ* профессиональными организациями, а также банками, страховыми компаниями, различными коммерческими организациями и т. д. Все они вправе обращаться в Европейский суд по вопросам, связанным с нарушением принадлежащих им прав, признаваемых Конвенцией, как самостоятельно, так и совместно с иными лицами.

В то же время правительственные или иные государственные органы (органы, обладающие политической властью), а также должностные лица такого права обращения с индивиду-

¹² Постановление от 2 октября 2003 года по делу "Совтрансавто Холдинг против Украины", жалоба № 48553/99 (CASE OF SOVTRANSAVTO HOLDING v. UKRAINE).

¹³ Постановление от 14 июня 2005 года по делу "ООО "Русатоммет" против России", жалоба № 61651/00 (CASE OF RUSATOMMET LTD. v. RUSSIA). Заявитель — юридическое лицо — предъявил к Правительству РФ иск об исполнении им своих долговых обязательств. Арбитражный суд удовлетворил этот иск, обязав Правительство РФ выплатить истцу сумму 100 тыс. долл. США. Несмотря на то обстоятельство, что вынесенное решение вступило в законную силу, оно длительное время не исполнялось ответчиком — сумма, присужденная заявителю, выплачена не была // Вестник ВАС РФ, 2006, № 1.

альной жалобой в Европейский суд не имеют. Отказывая в признании за государственными органами (например, муниципалитетами и образованными ими органами) правомочия подавать индивидуальные жалобы, Суд тем самым обоснованно исключает из своего ведения внутригосударственные споры и споры между различными ветвями власти одного государства¹⁴.

В тех случаях, когда индивидуальная жалоба принимается к производству, решается вопрос о ее приемлемости, о чем Суд выносит решение. Если в отношении приемлемости жалобы вынесено положительное решение (она признана приемлемой), по общему правилу она рассматривается по существу, если отрицательное (жалоба признана неприемлемой) и это решение становится окончательным и дело снимается со слушания (вычеркивается из списка).

По итогам рассмотрения жалобы по существу Европейский суд выносит окончательное постановление, в котором делает вывод о том, состоялось ли нарушение провозглашенных Конвенцией прав конкретного лица. В случае установления факта нарушения прав конкретного лица Суд указывает первопричину, приведшую к этому нарушению, и тем самым способствует ее устранению.

Например, при рассмотрении дела "Фризен против России"¹⁵ Европейский суд установил следующее. Муж заявительницы был признан виновным в совершении преступления и приговорен к лишению свободы с конфискацией имущества. При конфискации его имущества были конфискованы личные вещи заявительницы, а также автомобиль, принадлежащий ей на праве собственности. Заявительница обратилась в суд с требованием об отмене постановления о конфискации в отношении ее личных вещей и автомобиля, которое судом было удовлетворено в отношении личных вещей заявительницы и отклонено в отношении автомобиля без ссылки на какую-либо норму права.

Как установил Суд, такое решение было принято российским судом по той причине, что автомобиль был куплен за деньги, полученные мужем заявительницы незаконным путем, и конфискация автомобиля была направлена на возмещение ущерба, причиненного преступлением. Суд признал правильной позицию российского суда относительно необходимости защиты общественных интересов. Вместе с тем Суд указал, что это не освобождало российские судебные власти от обязанности привести юридическое обоснование принятого ими решения (ни при разрешении уголовного дела в отношении мужа, ни в гражданском процессе правовое обоснование конфискации автомобиля приведено не было). В отсутствие такого обоснования лишение заявительницы имущества, принадлежащего ей на праве собственности, не может рассматриваться в качестве законного и является нарушением ее права, гарантированного Конвенцией (права на имущество).

В развитие сказанного необходимо подчеркнуть, что те судебные дела, которые попадают в орбиту внимания Европейского суда, не пересматриваются им по существу, вынесенные по ним судебные решения не отменяются и дела не направляются на новое рассмотрение. Иными словами, Суд не осуществляет каких-либо надзорных функций в отношении судебных актов, вынесенных судебными органами в Российской Федерации, а (при наличии соответствующей жалобы) контролирует соблюдение положений Конвенции и Протоколов к ней при осуществлении судопроизводства. И в связи с этим нельзя рассматривать Европейский суд как высший по отношению к судебной системе России орган, осуществляющий контроль и ревизию вынесенных на территории Российской Федерации судебных решений, и такое понимание деятельности Европейского суда противоречило бы суверенитету Российской Федерации.

¹⁴ Интересно с этой точки зрения постановление от 27 июля 2006 года по делу "Канаев против России", жалоба № 43726/02 (CASE OF KANAYEV v. RUSSIA). Из индивидуальной жалобы следовало, что военный суд вынес решение о присуждении заявителю, офицеру Вооруженных Сил России, 598 руб. компенсации транспортных расходов и 202 руб. судебных расходов. Решение, однако, окончательно было исполнено только через два года. Европейский суд признал нарушенным право заявителя на имущество (ст. 1 Протокола № 1 к Конвенции), но не нашел оснований для применения п. 1 ст. 6 Конвенции, поскольку счел, что вследствие достаточно высокого должностного положения заявителя он является носителем части суверенной власти государства, что не позволяет рассматривать его трудовой спор с властями в качестве гражданского спора.

¹⁵ Постановление от 24 марта 2005 года по делу "Фризен против России", жалоба № 58254/00 (CASE OF FRIZEN v. RUSSIA).

В то же время если при рассмотрении индивидуальной жалобы будет установлено, что судебным органом государства \otimes участника Конвенции в судебном процессе допущены нарушения положений Конвенции и Протоколов к ней, в окончательном постановлении Европейский суд делает вывод о том, что данное государство является нарушителем Конвенции. Вследствие этого государство, признанное нарушителем Конвенции, обязано устранить как само нарушение, так и причины, приведшие к возможности такого нарушения. Иными словами, государство \otimes участник Конвенции, признанное нарушителем Конвенции, должно осуществить какое-либо мероприятие (ряд мероприятий), чтобы исключить возможность повторения подобных ситуаций.

Таким образом, если положения Конвенции нарушил судебный орган государства \otimes участника Конвенции, это нарушение должно быть устранено соответствующим судебным органом. Данное правило обусловило введение в Арбитражный процессуальный кодекс РФ положения, предусматривающего, что установленное Европейским судом нарушение положений Конвенции при рассмотрении арбитражным судом конкретного дела, в связи с принятием решения по которому заявитель обращался, служит основанием для пересмотра вынесенных по этому делу судебных актов по вновь открывшимся обстоятельствам (п. 7 ст. 311 АПК РФ). С этим же правилом связывалось и изменение редакции п. 2 ст. 304 АПК РФ.

Статья 304 АПК РФ закрепляет основания для изменения или отмены судебных актов, вступивших в законную силу, в порядке надзора. Действующая редакция п. 2 ст. 304 АПК РФ относит к таким основаниям случаи, когда оспариваемый акт "нарушает права и свободы человека и гражданина согласно общепризнанным принципам и нормам международного права, международным договорам Российской Федерации". Данная норма заслуживает нескольких критических замечаний. Во-первых, по смыслу устанавливаемого правила подлежит отмене (или изменению) тот судебный акт, который *право нарушает согласно нормам права*. Между тем любое правонарушение не может находиться в согласии (соответствии) с правовыми нормами \otimes правонарушение всегда вступает в противоречие с правовыми нормами, а в случае его совершения наступают соответствующие негативные последствия. Во-вторых, данное положение противоречит п. 7 ст. 311 АПК РФ, поскольку установленное Европейским судом нарушение Конвенции, допущенное при рассмотрении арбитражным судом конкретного дела, не может быть признано основанием для пересмотра этого акта в порядке надзора, а является основанием для его пересмотра по вновь открывшимся обстоятельствам (по правилам главы 37 АПК РФ).

В силу ст. 46 Конвенции окончательное постановление Европейского суда имеет обязательную силу для государства \otimes участника Конвенции, которое признано нарушителем прав, гарантированных Конвенцией и Протоколами к ней. Но это постановление не обязывает государство пересмотреть внутреннее законодательство; не отменяет решение, вынесенное государственным органом власти (в том числе судебным органом); не обязывает принять конкретное судебное решение; не дает указаний законодательным органам государства; не обязывает изменить сложившуюся судебную или административную практику; не дает властным органам государства распоряжений о принятии мер, имеющих правовые последствия, и не вмешивается каким-либо иным образом в деятельность властного органа, в отношении которого подавалась рассмотренная жалоба. Противоположный подход, как указывалось ранее, создавал бы угрозу статусу государства \otimes участника Конвенции как суверенного государства. Европейский суд только выявляет первопричины нарушения государством \otimes участником Конвенции прав, гарантированных Конвенцией и Протоколами к ней, и констатирует само нарушение (нарушение государством \otimes участником Конвенции международных обязательств, добровольно принятых данным государством при вступлении в Конвенцию).

Помимо вывода относительно факта нарушения государством \otimes участником Конвенции прав, гарантированных Конвенцией, в постановлении решаются вопросы возмещения заявителю ущерба, причиненного нарушением его прав, а также возмещения его судебных расходов и издержек (о них будет сказано далее), которые в совокупности охватываются термином "справедливая компенсация". Иными словами, "справедливая компенсация" предоставляется заявителю на основании ст. 41 Конвенции для возмещения: (а) материального ущерба, причи-

ненного нарушением прав, гарантированных Конвенцией; (б) нематериального ущерба; (в) судебных расходов и издержек.

При этом государство \otimes участник Конвенции, признанное нарушителем, может быть присуждено не только к выплате заявителю справедливой компенсации, но и к выплате процентов на случай несвоевременного исполнения обязанности по возмещению причиненного заявителю материального и немущественного вреда заявителю.

Так, в постановлении по упомянутому делу "ООО "Русатоммет" против России" Европейский суд отметил следующее: "решение Арбитражного суда г. Москвы от 10 апреля 2002 г. остается неисполненным до настоящего времени. Европейский суд полагает, что выплата властями Российской Федерации суммы, причитающейся компании-заявителю в соответствии с судебным решением, явится полным и окончательным разрешением спора. Следовательно, Европейский суд присуждает компании-заявителю 100 тыс. долларов США в качестве компенсации материального ущерба. ... Европейский суд полагает, что в результате установленного нарушения компании-заявителю был причинен вред, в качестве компенсации которого не может служить простое признание Европейским судом факта нарушения. Разрешая вопрос на справедливой основе, Европейский суд присуждает компании-заявителю 2 тыс. евро в качестве компенсации немущественного вреда. ... Европейский суд полагает, что процентная ставка в случае несвоевременного исполнения обязательства должна основываться на предельной годовой ставке кредитования Европейского центрального банка плюс три процента".

Однако надо отметить, что справедливая компенсация не является наказанием государства \otimes участника Конвенции, признанного нарушителем положений Конвенции и Протоколов к ней. В ответ на требования некоторых заявителей присудить выплату денежных средств в качестве наказания за допущенное государством нарушение Конвенции и Протоколов к ней Европейский суд неоднократно отмечал, что не видит для этого никаких оснований. Проценты, назначаемые Судом за просрочку срока, установленного для выплаты денежной компенсации, также не преследуют цели наказания и назначаются в размере предельной годовой ставки кредитования Европейского центрального банка плюс три процента.

3. Констатация Европейским судом одного или нескольких нарушений положений Конвенции и Протоколов к ней налагает на государство \otimes участника Конвенции, признанного нарушителем, определенные обязанности (хотя, как указывалось ранее, сам Суд в постановлении прямо не возлагает на государство никаких обязанностей). Во-первых, государство обязано положить конец выявленному нарушению и устранить его последствия, восстановив ситуацию, существовавшую до нарушения прав; во-вторых, государство должно принять действенные меры для предотвращения новых нарушений Конвенции и Протоколов к ней, подобных нарушению, выявленному постановлением Европейского суда. Данные обязанности \otimes это обязанности, принятые каждым государством \otimes участником Конвенции при вступлении в Конвенцию. Государство \otimes участник Конвенции, признанное нарушившим гарантированные Конвенцией и Протоколами к ней права, не может уклониться от исполнения указанных обязанностей \otimes за исполнением постановлений Европейского суда в части выплаты справедливой денежной компенсации следит Комитет Министров (это предусмотрено п. 2 ст. 46 Конвенции).

Если бы решения Европейского суда оставались неисполненными государствами \otimes участниками Конвенции, обращение в Суд было бы лишено смысла. Осознавая это, уже в конце 40-х годов создатели Конвенции предусмотрели в рамках Совета Европы механизм автоматического и систематического контроля за исполнением постановлений Европейского суда, который на сегодняшний день признается уникальным. Таким образом, высокая эффективность контрольного механизма Конвенции обусловлена не только деятельностью Суда, постановления которого юридически обязательны для государств \otimes участников Конвенции, но и деятельностью Комитета Министров по исполнению постановлений, вынесенных по государственным и индивидуальным жалобам. То есть Комитет Министров, куда передаются все постановления Суда, проверяет, были ли государством \otimes участником Конвенции, признанным нарушителем положений Конвенции и Протоколов к ней, приняты адекватные меры по исполнению обязанностей, вытекающих

из постановления (или обязанностей, принятых этим государством в случае достижения дружественного урегулирования).

Как уже упоминалось, ст. 46 Конвенции предусматривает, что государства и участники Конвенции обязуются исполнять окончательные постановления Европейского суда по делам, в которых они являются сторонами. Иными словами, постановление, где установлено нарушение прав человека, гарантированных Конвенцией, обязательно для того государства, жалоба против которого была предметом рассмотрения в данном деле. Однако это постановление не является обязательным для исполнения на территории иных государств и участников Конвенции, которые в этом деле не участвовали, равно как не обязательны к исполнению решения о приемлемости.

Сказанное ничуть не умаляет значимость прецедентной практики Европейского суда, а, напротив, позволяет подчеркнуть то обстоятельство, что большинство государств и участников Конвенции учитывают постановления, которые вынесены в отношении других государств и участников Конвенции, а также выводы, содержащиеся в решениях о приемлемости. То есть *государства и участники Конвенции принимают во внимание всю практику Европейского суда*. Указанное обстоятельство объясняется весьма просто: такой подход позволяет избежать новых нарушений Конвенции и, как следствие, новых постановлений Суда, которыми признается нарушение конкретным государством принятых на себя обязательств.

Правоположения (выводы), сформулированные в актах Европейского суда, суть положения Конвенции, которым Суд дал необходимое толкование (и здесь вновь уместно сравнение деятельности Суда с деятельностью КС РФ: как первый, так и второй обладают компетенцией толковать положения соответственно Конвенции или Конституции РФ применительно к вопросу, переданному на их рассмотрение).

Европейский суд, являясь единственным органом, уполномоченным официально толковать, применять и разъяснять весьма краткие формулировки положений Конвенции и Протоколов к ней, реализуя это полномочие, тем самым расширяет границы действия Конвенции и наполняет ее положения новым смыслом. Именно в связи с этим подчеркивается то обстоятельство, что положения Конвенции находятся в постоянном развитии, которое напрямую зависит от новых постановлений Европейского суда. Иногда высказывают мнение, что Конвенция и это то, что о ней говорится в постановлениях Суда. Цель толкования и разъяснения положений Конвенции и снизить вероятность нарушений прав, провозглашенных Конвенцией и Протоколами к ней, в государствах и участниках Конвенции. Следовательно, применение Конвенции в правовой системе всякого государства и участника Конвенции возможно только так, как она понимается в практике Суда.

Безусловно, с формальной точки зрения государства и участники Конвенции не возлагают на себя обязательство следовать всем актам Европейского суда. Однако игнорирование государствами и участниками Конвенции постановлений, принимаемых в отношении иных стран, было бы неверным: Суд признает себя связанным прецедентом при рассмотрении последующих жалоб и обычно указывает в своих постановлениях на сложившуюся прецедентную практику. Таким образом, нарушение Конвенции и Протоколов к ней, выявленное Судом в отношении одного государства, служит для всех иных государств и участников Конвенции своего рода "предупреждением" о том, что они должны предпринять определенные меры для исключения подобных ситуаций. В противном случае государство и участник Конвенции становится потенциальным "ответчиком".

В решениях о приемлемости также нередко рассматриваются вопросы, касающиеся толкования положений Конвенции (как и в определениях КС РФ могут затрагиваться значимые для правоприменения вопросы). Вследствие этого правового положения Европейского суда, содержащиеся в решениях о приемлемости жалоб, имеют ту же силу и значимость, что и окончательные постановления, вынесенные против других государств и участников Конвенции. Иначе говоря, они не обязательны для исполнения по смыслу ст. 46 Конвенции, но должны учитываться для тех же целей и избежать нарушения прав, гарантированных Конвенцией и Протоколами к ней.

Сказанное позволяет провести следующие разграничения:

- обязательной для исполнения Россией в силу международного договора является *резолюция Европейского суда*, содержащаяся в постановлении, вынесенном по жалобе против России (о признании нарушения положений Конвенции и Протоколов к ней, допущенного Россией, возмещения причиненного заявителю вреда и т. д.);

- обязательны для учета российскими государственными органами *правоположения, содержащиеся во всех актах Суда* (всех постановлениях и решениях о приемлемости), для целей исключения ситуаций нарушения прав граждан и организаций, гарантированных Конвенцией и Протоколами к ней. Таким образом, все правоположения, сформулированные в прецедентной практике, должны учитываться российскими государственными органами.

Установив, что для правоприменительной и, в частности, судебной практики значимостью обладают правоположения, содержащиеся в актах Европейского суда (решениях о приемлемости и постановлениях), хотелось бы рассмотреть некоторые сформулированные Судом позиции, которые важны для осуществления правосудия в арбитражных судах.

М. РОЖКОВА,
ведущий научный сотрудник Института законодательства
и сравнительного правоведения при Правительстве РФ,
кандидат юридических наук

Д. АФАНАСЬЕВ,
специалист-эксперт Государственно-правового
Управления Президента РФ,
магистр частного права

(Окончание следует)

